

Нарушенное обещание

Сергей Патрушев

Сергей Патрушев

Нарушенное обещание

«Автор»

2026

Патрушев С.

Нарушенное обещание / С. Патрушев — «Автор», 2026

Он поклялся себе в детстве: его дом будет тихим. Его жена будет улыбаться. Он не будет кричать. Артём вырос в аду разбитой посуды и женских истерик, и теперь, в тридцать четыре, он построил идеальный мир: успешная карьера архитектора, квартира с деревянным полом и любимая невеста Алиса — тихая, пахнущая ванилью и акварелью. Она — его главный проект, его спасение от прошлого. Но однажды утром, в бытовой ссоре из-за рубашки, он видит в её лице мать. Тот же прищур, тот же металлический холод в голосе. Артём начинает одержимо следить за каждым её жестом, каждой интонацией, создавая в голове «таблицу совпадений». Он провоцирует её, проверяет, пытается вывести на чистую воду. Но чем глубже он копает, тем меньше понимает: Алиса становится монстром или он сам превращает её в чудовище, проецируя свои детские страхи на живого человека? Встреча с умирающей матерью переворачивает всё. Она признаётся: Я не была тираном. Твой отец был слабым. Ты выбрал Алису, потому что она сильная, как я.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Эхо пустой квартиры»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Сергей Патрушев

Нарушенное обещание

Глава 1. «Эхо пустой квартиры»

Он проснулся от тишины. Это было первое, что пробилось сквозь плотную завесу сна, еще задолго до того, как сознание окончательно вернулось к нему, — тишина. Не та звенящая, напряженная тишина, которая повисает в воздухе после ссоры, когда каждый из участников еще дышит тяжело и зло, а слова, не успевшие сорваться с губ, продолжают вибрировать в пространстве, отравляя его. И не та тяжелая, ватная, давящая тишина, что накрывает комнату, когда болеешь и лежишь с температурой, а время тянется бесконечно тягуче, как патока. Нет. Это была совсем другая тишина — правильная, уютная, живая. Та, в которой слышно, как ровно и глубоко дышит рядом любимый человек, и как за окном, нарастая и затихая, просыпается большой город, и как где-то в глубине квартиры, на кухне, которую они с таким тщанием обустроивали вместе, тикают старые настенные часы.

Они купили их на блошином рынке в Праге, во время их первой совместной поездки, и Алиса тогда настояла на том, чтобы взять именно эти, с выцветшим циферблатом и чуть покосившейся минутной стрелкой. «Они помнят чужие истории, — сказала она, бережно сдувая пыль с деревянного корпуса. — Теперь они будут помнить и нашу». Артём тогда посмеялся над ее сентиментальностью, но сейчас, слушая этот мерный, успокаивающий стук, он понимал, что она была права. Эта тишина пахла ванилью и еще чем-то неуловимо теплым, почти осязаемым, похожим на легкий аромат мокрой бумаги и акварельных красок — именно так пахли волосы Алисы, разметавшиеся по подушке темно-каштановым веером.

Он приоткрыл один глаз, и веки его дрогнули от мягкого, золотистого света, который просачивался сквозь легкие льняные шторы. Алиса выбрала их сама, конечно же, сама, потому что до нее в его жизни были только безликие жалюзи — практичные, функциональные, до безобразия удобные в уходе, но убивающие всякую мысль о красоте и уюте. Он помнил, как спорил с ней тогда: «Они не задерживают свет, мы будем просыпаться на рассвете». А она лишь хитро улыбнулась и сказала: «В этом-то и смысл. Мы будем просыпаться вместе с солнцем, а не с будильником». И она оказалась права, как оказывалась права почти всегда, когда дело касалось вещей, которые он не мог измерить линейкой или просчитать в архитектурной программе. Теперь комната купалась в этом утреннем мареве, и миллиарды крошечных пылинок кружились в солнечных лучах, словно крошечные планеты, устремившиеся в свой вечный танец. Он смотрел на них застывшим, чувствуя, как внутри него разливается то самое тепло, которое он так долго искал и которое, наконец, обрел здесь, в этой квартире, в этом городе, с этой женщиной.

Алиса лежала рядом, свернувшись в привычный калачик, и в этом положении было что-то почти детское, беззащитное, отчего сердце его сжималось от нежности. Ее темные, густые волосы веером рассыпались по белоснежной наволочке, и он смотрел, как солнечный свет играет в их изгибах, выхватывая то медные, то почти черные пряди. Ее ресницы отбрасывали длинные, трепетные тени на бледные, полупрозрачные щеки, и уголки губ ее были чуть приоткрыты, словно она улыбалась во сне. В эти мгновения, когда мир еще не вторгся в их про-

странство со своими требованиями, отчетами и сроками, она была самой прекрасной из всего, что он когда-либо создавал или видел.

Она была его главным проектом, его самой смелой и удачной работой, которая не имела отношения к бетону, стеклу и чертежам. И он любил смотреть на нее спящую. В эти моменты время останавливалось, и ему казалось, что он наконец-то вернулся домой. В настоящий дом. В тот единственно верный, правильный дом, о котором он мечтал в своем детстве, когда, будучи еще совсем мальчишкой, забивался в угол своей тесной комнаты и затыкал уши подушкой, чтобы не слышать того, что творилось за стенкой.

Он тихо, стараясь не скрипнуть пружинами матраса — они тоже были особенными, ортопедическими, Алиса настояла, потому что он стал жаловаться на спину после бессонных ночей над проектами, — сел на кровати. Ступни коснулись прохладного, гладкого деревянного пола, и это прикосновение вернуло его в реальность. Деревянный пол — еще одно новшество Алисы, которому он, впрочем, давно уже перестал сопротивляться. В своей прежней жизни, той, которую он мысленно называл «до Алисы», полы были либо казенным линолеумом в бесконечных съемных квартирах, которые он снимал в разных концах города, меняя их как перчатки, либо стерильным, холодным, бездушным ламинатом в той квартире, которую он купил сразу после первого крупного заказа, когда почувствовал себя наконец-то состоявшимся человеком. Он помнил этот ламинат до сих пор — гладкий, серый, имитирующий мрамор.

Он выбирал его сам, руководствуясь лишь практичностью и долговечностью. Никакого тепла. Только функциональность. Но потом пришла Алиса, посмотрела на этот холодный пол с легким ужасом и сказала: «Мы не можем здесь жить. Здесь ногам холодно». И пока он строил из себя практичного, рационального мужчину, она купила это дерево, потрескивающее по утрам, а поверх него — мягкий ковер, чтобы «ножкам было приятно», как она говорила с той своей улыбкой, от которой у него таяло внутри.

Он встал и, стараясь ступать бесшумно, подошел к окну. Из их квартиры на девятом этаже, в этом старом, пахнущем историей районе, открывался захватывающий вид на крыши города. Не на стекло и бетон безликих бизнес-центров, которые он сам же и проектировал для других, а на настоящие, живые крыши — с выцветшей черепицей, с заросшими плющом и диким виноградом вентиляционными трубами, с маленькими двориками-колодцами, где по утрам уже сутились дворники, сгоняя с мостовой прошлогоднюю листву, и где старушки выносили на подоконники горшки с геранью, чтобы та грелась на солнце.

Он сам выбрал этот район, когда они решили съехаться. Тогда, два года назад, он был уверен, что делает это для нее — ищет что-то «атмосферное», как она любила говорить, хочет угодить ее художественному вкусу. Но сейчас, стоя у окна и наблюдая за жизнью, которая пробуждалась внизу, он с внезапной, почти пугающей ясностью осознавал, что искал это для себя. Он искал место, где стены не давили безликими плитами, а, казалось, дышали, хранили чьи-то тайны, улыбались выцветшими фасадами. Где у каждого дома было свое лицо, свой характер, своя биография. Потому что дом, в котором он вырос, лица не имел.

Это была просто коробка — серая, бетонная, безликая коробка на окраине промышленного района, где вечно гулял ветер и пахло выхлопными газами. Коробка, наполненная криками, звоном разбитой посуды и тяжелым, гнетущим молчанием, которое наступало после.

Он вздрогнул, прогоняя это видение, как прогоняют назойливое насекомое. Не сейчас. Он запретил себе думать об этом. Он построил новую жизнь, он выстроил ее своими руками, кирпичик за кирпичиком, сантиметр за сантиметром, линию за линией, и в этой новой жизни не было места тем серым, вязким, липким воспоминаниям. У него есть Алиса, его работа — новый масштабный проект набережной, ради которого он бился как лев в городской администрации, убеждая чиновников, доказывая, что город нуждается в этом дыхании, в этом пространстве для людей.

У него есть этот удивительный, выстроенный вопреки всему мир. Он возвел его из четких, выверенных линий, из холодного, рационального бетона, из прозрачного, безжалостного стекла. Это был мир его защиты. Но потом пришла Алиса и добавила красок — акварельных, мягких, размытых, с множеством полутонов и оттенков. И этот мир перестал быть просто чертежом, выигранным проектом, который можно показать заказчику. Он стал домом. Живым, дышащим, настоящим.

— Тём? — раздался сонный, чуть хриловатый голос с кровати, и этот звук мгновенно выдернул его из размышлений. — Ты чего встал так рано? Иди сюда, еще даже будильник не звонил.

Он обернулся. Алиса приоткрыла глаза, и в них стояла та самая утренняя дымка, от которой его сердце каждый раз, даже спустя два года их совместной жизни, делало кульбит, словно у подростка на первом свидании. Она приподнялась на локте, и тонкая ночная сорочка соскользнула с ее плеча, обнажая молочную кожу.

Она протянула к нему руку, призывая его вернуться, и он, не в силах сопротивляться этому жесту, этому зову, послушно вернулся в постель, чувствуя себя огромным, лохматым псом, которого позвали хозяева. Он опустился на кровать, и она тут же прижалась к нему, как маленькая птичка, положила голову ему на грудь, прямо туда, где билось его сердце, и он ощутил, как все напряжение, которое еще недавно сковывало его плечи, медленно уходит, растворяется в этом прикосновении, в этом запахе.

Она пахла ванилью, которой она пользовалась вместо духов, и акварелью, потому что даже во сне ее пальцы, казалось, хранили легкий запах красок, и еще чем-то теплым, неуловимым, что было только у нее, у Алисы, и что заставляло его закрывать глаза и чувствовать себя защищенным. Впервые в жизни. Защищенным от всего на свете.

— Доброе утро, — прошептала она, и голос ее был теплым и густым, как растопленный шоколад.

— Доброе, — ответил он, целуя ее в макушку, вдыхая этот ее запах, чувствуя, как ее дыхание щекошет кожу на его груди.

Он смотрел в потолок, но видел другой потолок. Обшарпанный, с темно-желтым пятном от давней протечки, которую отец так и не удосужился починить, потому что был вечно занят или просто не хотел связываться с матерью. Она тогда устроила скандал, который длился три дня, пока соседи не начали стучать в стену. Он слышал ее голос сейчас, в этой тишине, отчетливо, до дрожи в коленях. Не голос Алисы. Совсем другой голос — высокий, визгливый, режущий слух, как осколки стекла, разбивающиеся о кафельный пол. «Ты что, не мог мусор вынести?! Я тебя прошу об одной малости, а ты не можешь сделать!»

Что ты за человек после этого?!» — а потом глухой, хлесткий звук, от которого он всегда вздрагивал — звон тарелки о стену, о дверь, о пол. Мать всегда била посуду. Это был ее способ выпустить пар, ее ритуал очищения через разрушение. Отец, который обычно молчал, стиснув зубы и глядя в одну точку, или, что бывало чаще, просто выходил из дома, хлопнув дверью, и возвращался поздно ночью, когда все уже стихало. Артёму тогда было шесть, может, восемь, он не мог точно вспомнить — годы слились в одну сплошную, серую полосу страха.

Он сидел на полу в своей комнате, прижав к груди плюшевого зайца, которого ему подарила бабушка, единственный островок тепла в этом доме. У зайца оторвался глаз, и Артём смотрел на пустую черную дырочку, и ему казалось, что это он сам, что у него тоже вырвали глаз, и он видит мир только наполовину. Он смотрел, как под дверью пробивается яркий, безжалостный свет из коридора, и слышал голоса, которые были такими темными, такими вязкими, такими чужими, что хотелось зажмуриться, зажать уши и исчезнуть, стать невидимым.

Именно тогда, в тот момент, когда в гостиной разбилась очередная чашка, а он сидел в углу, трясаясь от рыданий, которые не мог остановить, он дал себе клятву. Это была самая серьезная, самая взрослая клятва в его тогда еще короткой жизни. Сжав зубы до скрежета, до боли в челюсти, он зажмурился и прошептал в пустоту, в темноту, в это страшное, чужое пространство: «Я никогда не буду так жить. Никогда. Мой дом будет тихим. Моя жена будет улыбаться. Я не буду кричать. Я никогда не позволю этому аду войти в мой дом». Он не знал тогда, что эта клятва, произнесенная с такой детской верой и отчаянием, определит всю его жизнь.

Что она превратится в главный проект, который он будет строить день за днем, год за годом, во взрослом, сознательном возрасте. Что он будет строить свою идеальную жизнь, как архитектор, вооруженный не только карандашом и линейкой, но и всем своим существом, отмеряя каждый миллиметр, каждый звук, каждую интонацию, лишь бы не допустить роковой ошибки. Он станет одержим порядком, контролем, предсказуемостью. Потому что хаос, который он видел в детстве, был для него страшнее смерти. И он бежал от него всю свою жизнь. Бежал, строя вокруг себя стены.

— Тём, ты меня слышишь? — Алиса легонько ткнула его пальцем в бок, и он вздрогнул, выныривая из своих мыслей, из того темного, липкого омута, куда его затянуло. Она смотрела на него снизу вверх, и в ее взгляде было легкое беспокойство. — Ты опять ушел в себя. Что происходит? У тебя какой-то странный взгляд.

Он моргнул, прогоняя остатки того мальчишеского страха, и заставил себя улыбнуться. Улыбка получилась немного натянутой, но Алиса, кажется, не заметила — или сделала вид, что не заметила, она вообще была очень тактичной и не лезла в его душу, если он не хотел говорить.

— Просто задумался, — сказал он, и голос его прозвучал глухо, как из бочки. — Работа. Там этот проект с набережной, я никак не могу придумать, как обыграть переход к старому городу.

Он солгал. Это была легкая, обычная ложь, та, которую говорят, чтобы не тревожить любимого человека. Но он знал, что она не поверила. Алиса была слишком проницательной. Она работала с людьми, с их душами, с их травмами, она была арт-терапевтом, и ее глаза

видели больше, чем он хотел бы ей показывать. Но она не стала настаивать. Она лишь провела пальцами по его щеке, коротко, ласково, и сказала:

— Если хочешь, давай отложим ужин у родителей. Мы можем остаться дома, я закажу ту пиццу, которую ты любишь, с морепродуктами. Мы можем просто полежать и ничего не делать. Это было бы замечательно.

Он на мгновение задумался. Как же заманчиво это звучало — остаться здесь, в этом безопасном, пахнущем ванилью пространстве, не выходить наружу, в мир, где есть родители, ужины, обязательства, приличия. Но он покачал головой.

— Нет, нет, мы обещали. Мама твоя приготовит этот пирог, она ждет. Не будем их расстраивать.

Алиса вздохнула, и в этом вздохе ему послышалось легкое разочарование, но она лишь кивнула, принимая его решение.

— Тогда нам надо собираться. Ты обещал надеть ту синюю рубашку, которую я купила тебе на прошлой неделе. Она невероятно идет к твоим глазам, Тём. Я правда хочу, чтобы ты надел ее сегодня.

Он снова улыбнулся, на этот раз чуть теплее. Синяя рубашка. Конечно. Она всегда выбирала ему одежду, и он позволял ей это, потому что ему нравилось чувствовать ее заботу. Ему нравилось, что она думает о мелочах, о тех вещах, которые он сам никогда не замечал. Он, привыкший мыслить глобальными категориями, проектировать кварталы и общественные пространства, доверил ей свой гардероб, свой быт, свою повседневную жизнь. И это было правильно. Это был знак доверия, тот самый кирпичик в стене их идеальных отношений.

Час спустя они уже завтракали на кухне, которая была, пожалуй, самым любимым местом Алисы в их квартире. Она превратила это помещение, когда-то бывшее просто функциональным пространством, в настоящий храм уюта. Здесь были открытые полки с разномастной посудой, которую они собирали по всему миру — от винтажных тарелок из Берлина до глиняных кружек ручной работы из маленькой деревушки в Португалии.

На подоконнике в ярких горшках зеленели травы — базилик, розмарин, мята, за которыми Алиса ухаживала с невероятной нежностью. И стол, огромный деревянный стол, за которым они пили утренний кофе, читали новости, спорили о книгах или просто молчали, наслаждаясь присутствием друг друга. Сейчас Алиса, уже одетая в легкое лавандовое платье, распахнула настежь окно, и в кухню врвался свежий, прохладный ветер с запахом начинающегося лета. Она, как всегда, накрыла на стол с какой-то церемониальной торжественностью. Не просто поставила тарелки, а разложила салфетки, подобрала приборы, украсила блюдо с яичницей веточкой укропа, выращенного на том же подоконнике.

Яичница, свежий хлеб из пекарни за углом, с хрустящей корочкой и мягким мякишем, сливочное масло в маленькой керамической масленке, и чай в его любимой огромной кружке, на которой был нарисован милый, неуклюжий носорог. Он не знал, где она нашла эту кружку, но она стала его талисманом. Он не мог начать утро, не выпив из нее чай. Алиса села напротив него, подперла голову рукой и смотрела на него с той особенной, спокойной и теплой улыбкой, пока он ел.

Она часто делала так — просто сидела и смотрела на него, на то, как он жует, как пьет чай, как хмурится, задумавшись о чем-то. И от этого взгляда ему становилось немного не по себе, он всегда чувствовал, что она видит в нем больше, чем он готов ей показывать, но он знал, что это от любви. От той чистой, безусловной любви, которую он никогда не знал в своей семье.

— Ты снова не побрился, — заметила она, качая головой. — У тебя уже двухдневная щетина. Ты сегодня будешь выглядеть как бродяга с вокзала, а не как успешный архитектор.

— Успеется, — отмахнулся он, жуя хлеб с маслом. — Я побреюсь прямо перед выходом. За пять минут.

— Мы опаздываем, Тём. Ты же знаешь, мама приготовила свой фирменный пирог с рыбой и шпинатом, она не будет ждать нас до бесконечности. Ты же знаешь, как она относится к пунктуальности. Для нее это вопрос уважения.

Раздражение кольнуло где-то в груди, острое, неожиданное. Он не любил спешку. Он не любил, когда его торопили, выдергивали из его внутреннего ритма, заставляли подстраиваться под чужие часы. В детстве мать постоянно торопила его: «Быстрее, мы опаздываем в школу!», «Быстрее, что ты копаешься!», «Быстрее, отец ждет в машине!» И всегда за этим «быстрее» следовал крик.

Он сжал челюсти, но заставил себя выдохнуть. Алиса — не его мать. Алиса сказала это так мягко, так участливо, с такой искренней заботой, что ее слова больше походили на просьбу, чем на требование или упрек. Он кивнул, пряча раздражение за маской спокойствия.

— Пять минут, — сказал он, допивая чай из кружки с носорогом. — Ровно пять минут. Я быстрый.

Они одевались в спальне, и Алиса, как всегда, превратила этот процесс в маленький ритуал. Она ходила вокруг него, как грациозная, уверенная в себе птица, уже полностью готовая, в своем лавандовом платье, с распущенными волосами, которые струились по плечам волнами.

Она подошла к его шкафу, который теперь был разделен на две половины — его и ее, и аккуратно, бережно достала ту самую синюю рубашку, которую купила на прошлой неделе. Дорогая, итальянская, невероятно мягкая ткань, которая струилась у нее в руках, как вода. Идеальный цвет — глубокий, насыщенный синий, который действительно подчеркивал его глаза, делая их ярче. Она протянула рубашку ему, и в этом жесте была такая уверенность, такая спокойная власть, что он невольно подчинился, принял ее.

— Надевай, — сказала она с той мягкой настойчивостью, которая была ее оружием. — Ты будешь выглядеть потрясающе.

Артём взял рубашку, и его пальцы ощутили прохладу итальянского шелка, но взгляд его упал на другую рубашку, висевшую рядом на вешалке. Белая, в мелкую серую клетку, которую он купил себе сам, без ее участия. Она висела там уже месяца три, и он ни разу не надел ее.

Она была удобнее — свободный крой, знакомый материал, в ней не жалко под мышками. Синяя же, хоть и красивая, была чуть уже, чуть меньше, чуть более формальная. Он уже потянулся к белой рубашке, инстинктивно выбирая комфорт, как вдруг Алиса, заметив его движение, отрицательно качнула головой. Это был едва заметный жест, но он остановил его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.